

18+

Эстер

ПУСТЫНЯ ЖЕЛАНИЙ

Леся Эстер

Пустыня желаний

«Издательские решения»

Эстер Л.

Пустыня желаний / Л. Эстер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989028-3

Кто сказал, что художественная книга не может быть одновременно практической? Кто сказал, что вымышленная (или не очень) история о путешествии по звёздам не может стать инструкцией к тому, как понять, кто ты и зачем ты здесь? Где искать своё Я? Как исполнять любые желания? Как сохранять свет внутри себя даже в самые тёмные времена? Читайте и применяйте!

ISBN 978-5-44-989028-3

© Эстер Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пустыня желаний

Леся Эстер

Все персонажи истории вымышлены. Совпадения случайны.

Марианна Хан *Редактор*

Даша Ченская *Дизайнер обложки*

© Леся Эстер, 2020

© Даша Ченская, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-9028-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Луна

Вот человек, которого все стали бы презирать – и король, и честолобец, и пьяница, и делец. А между тем из них из всех он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому, что он думает не только о себе.

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц

Говорят, если долго смотреть на Луну, можно увидеть человеческое лицо. Тонкие брови, нос, глаза и ласковую улыбку. Говорят, такую Луну может увидеть каждый, у кого чиста совесть.

– Адель, как думаешь, на что похожи узоры на Луне?

– Пап! Ну что ты, в самом деле! Какие же это узоры? Это кратеры. Кр-р-ратеры! Давай сегодня проедем мимо той речки?

– Как скажете, мисс рычатель. Когда ты успела добраться до книг моей бабушки? Я думал, у тебя еще целая стопка детских энциклопедий и ты сначала их прочтешь.

– У неё интересней. Я книжки взяла, когда мы в прошлый раз к ней в гости ездили. Знаю, нельзя так говорить, её ведь больше нет. Дедуля мой, он ведь её сын, правильно? Дедуля говорит, что когда я прихожу и занимаюсь с этими книжками, ему очень радостно. Я на кого-то там похожа, но никак не могу запомнить на кого. А книжек этих у него целый шкаф, представляешь?

– И что же, ты целый шкаф и утащила? Сама? – спросил Сол, сворачивая с главной дороги.

– Да дедушка сложил всё в багажник, я чуть-чуть взяла! Его мама знала всё про космос, представляешь? И сильно-сильно хотела туда слетать! Он сказал, что очень гордится своей научной мамой.

– Может быть, учёной?

Машина остановилась. Девочка приподняла бровь, прищурила глаз. Взрослые эмоции на детском лице выглядят занятно и точно несут больше смысла, чем когда их изображают серьёзные дяди и тети.

– Это бровь твоя сейчас в космос улетит! Моя бабушка была учёным-астрологом. Вот эта речка – пойдём.

– Кто такой мучённый-астролог?

– Учёный! – поправил отец сквозь смех умиления. Пойдём, я всё тебе покажу. И аккуратней, не упади в сугроб, мы же не хотим привезти к бабушке снеговика вместо любимой внучки?

Луна, казалось, была готова свалиться с неба, которое не может больше удерживать её вес. Словно огромный шар из теста, уже немного подрумянившийся в печи, она нависала прямо над головой – её, такую близкую, можно было даже потрогать и ощутить тепло, которым согревает оранжевый свет.

– Пап, ты что делаешь?

– А тебе никогда не хотелось прикоснуться к другой планете? Сколько там до Луны? Или ты пока только кратеры изучила?

– А вот и не только. Но на Луну я не хочу. Ну, может, и хочу, но сначала не туда. Твоя бабушка в книжке рассказывала про планету с пещерами, я бы слетала на неё. Но мне семь, правильно? Значит, если бы я отправилась туда сразу, как родилась, то ещё не долетела бы всё равно. Туда прям долго добираться. Откуда она это знала?

– Та планета правда интересная. И очень-очень умная. Придерживай бровь, она опять готова к космическому путешествию. За пределами нашей галактики, – он уже рисовал на снегу схему солнечной системы, – планеты умные. Они образовались намного раньше Земли и планет вокруг неё, поэтому...

– А кто же на них жил тогда? Если нас ещё не было? И откуда твоя бабушка это знала? – нотки нетерпения в голосе Адель нарастали.

– Поэтому, – продолжил, улыбаясь, отец, – и цивилизации, жившие на них, были намного старше нас. Умнее. Они оказывались на этих планетах, когда те, что были их домом, становились непригодны для жизни. Там могла закончиться еда или воздух, где-то случались эпидемии болезней, а какую-то даже затопило водой. Тогда один житель построил космический корабль, который мог и плавать, и летать. Он взял на борт свою семью и тех, кто остался, забрал животных и растения и отправился искать новый дом. И так происходило повсюду. С каждым переездом цивилизации становились всё опытнее, у них появлялись знания, которые они использовали, чтобы выжить на очередной планете. Когда и на ней это становилось невозможным, они снова перемещались. Снова приносили знания в другое место, но и оно со временем переставало быть гостеприимным. И так без конца. Пока одна из цивилизаций не поняла, что планеты – такие же живые существа, как и все мы. С ними нужно общаться, как с друзьями, доверять им, как матери, и обучать, как отец обучает своё дитя. Даже Луна, – Сол показал на неё и замолчал на секунду, – даже Луна – не просто шарик с кратерами. У неё есть душа, она добрая, заботливая и уютная. Мне кажется, там вечный воскресный завтрак с вкусными блинчиками, травяным чаем и разговорами за большим семейным столом, – закончил он, передавая в руки Адель снежок, который лепил во время рассказа.

– Это как у нас воскресные завтраки?

– Да. Когда я жил со своими родителями, у меня тоже такие были.

– Получается, твоя бабушка исследовала эти планеты? И как им общаться с людьми? И потом писала про это книжки?

– Да, как людям и планетам общаться друг с другом. Этим и занимаются...

– Астро... тьфу, опять забыла!

– Астрологи.

– Да, астрологи. А как они это делают?

– Кто книжку читает, я или ты?

– Ну па-а-ап!

– Дедушка нас, наверное, заждался. Вот, смотри, видишь звёзды над тем берегом? За ними бабушка наблюдала отсюда. Иногда она брала в такие ночные походы и меня, рассказывала истории про небо, про свою работу, про то, как планеты становятся умнее, а люди, их населяющие, счастливее. Ты поэтому захотела сюда заехать? Прочитала про эту речку в книжке?

– Да... – задумчиво ответила девочка, глядя на шарик из снега. – А что такого в тех звездах? – Адель посмотрела вдаль, потом снова опустила взгляд к ладоням и стала вертеть в них снежок.

– Обещай мне, что дочитаешь книжку. Обещаешь? – он присел на корточки и заглянул в глаза дочери, которые почему-то сильно блестели. Сильнее сверкающей серебристой дорожки на воде. Сол надеялся, что их просто подсвечивает Луна, ведь не может быть больше никаких причин. Не может! – Дочитай её и сама мне расскажешь, а то я многого уже не помню. Хорошо?

Слёзы хлынули. И если бы этот декабрь не выдался таким тёплым, маленькие капельки наверняка уже превратились бы в ледышки. Сол чувствовал мокрые реснички на своей щеке, придерживал вздрагивающие плечи, девочка обнимала его так крепко, как может только ребёнок – отдавая всю свою искренность в надежде, что мир сейчас не рухнет. Те, рядом с кем

плакало невинное создание, уверенное в своей вине, знают, что в этот момент Сол казался себе всемогущим волшебником, ведь спасти её – значит, спасти вселенную.

– Я забыла-а-а... За-а-абыла книжку!

– Адель... Адель... Ты знаешь, я давно хотел рассказать тебе одну историю...

– К-к-кую историю-ю-ю?

– Сказочную историю. В том шкафу есть книжка, которую мне бабушка читала в детстве.

Она тоже про планеты.

– Пап? Ты что, – она шмыгнула носом, – ещё веришь в сказки?

– Смотря какие. Иногда мне кажется, что я и сам сказочный герой. Волшебник. Похож?

– Если только немножко, – удивительно, как быстро дети переключаются со слёз на смех.

Кстати, пап, – Адель кивнула в сторону яркого шара на небе, – я вижу там не только кр-р-ратеры. С этими словами она отдала снежок обратно отцу и замерла, без тени улыбки на лице, только смотрела ему прямо в глаза.

– Ты чего, рычатель?

– Догоняй! Дедушка ждёт!

И побежала по сугробам к машине, смеясь ещё громче каждый раз, как падала в пушистый снег.

– А ты в меня всё-таки не попал! И сам стал как снеговик!

– От снеговика слышу.

– Будет дедушка ругаться?

– Давай проверим? Смотри, свет ещё горит.

Адель понеслась к дому, оставив распахнутой дверь машины. Когда Сол подошёл к крыльцу, она, обнимая деда у него на руках, рассказывала ему про речку, Луну, звёзды, книжки. Про то, что папа не попал в неё, хотя он лучший стрелок снежками в мире. Просто она очень ловкая. Позапрошлым летом, когда родители учили её читать, они устраивали подвижные пятиминутки, чтобы отдохнуть.

– Мы играли в «Вышибалы», и папа сам выдал мне все секреты, как уворачиваться.

А теперь расстраивается, что попасть не может.

– Мне кажется, он наоборот рад. Здравствуй!

– Привет! – Сол протянул руку отцу. – Конечно, рад. Ты самая лучшая ученица. Сейчас, правда, ты мокрая ученица. Давай переодеваться?

– Вот именно, – опуская Адель на пол, сказал дед, – я вас тут жду, чай заварил, а вы в снежки играете, ещё и заболеть вдруг вздумаете. Мамы ваши вернутся, а вы с градусниками – больше не разрешат вам меня навещать, пока они в поездке.

Адель смотрела на деда – он напоминал ей великана: высокий и широкоплечий, с генеральской осанкой, большими тяжёлыми руками, мощной шеей, грубыми скулами, он и в старости создавал впечатление человека сильного, способного поднять, наверное, целый дом. Некоторые его даже боялись. Адель восхищалась тем, что с ним здороваются все прохожие, многие жители городка приносят им с бабушкой угощенья, кто-то приходит за советом. Адель знала, что её дед великий, великан же. Но почему – не знала. Однажды в альбоме она видела фотографию, на которой известный человек из телевизора награждает дедушку медалью. Вроде бы это было давно, а он так и остался великаном. Только волосы почему-то теперь другого цвета.

– Ты чего улыбаешься?

– Ты не злой и не страшный, вот чего. Не притворяйся. И вообще, мы не заболеем. Мы же никогда не болеем. Да, пап?

– Точно.

– Да уж, – засмеялся дедушка Адель, вешая её куртку, – градусник пришлось бы поискать.

Девочка стояла у окна, рассматривая Луну, которая уже поднялась повыше и заливала светом улицу так, что и фонари были не нужны. Сияние проникало в тёмную комнату, оставляя

причудливые тени на полу и стенах, а огонь в камине подыгрывал ему, внося и свою лепту в эту композицию.

– Что у тебя там? – спросил Сол, усаживаясь в кресло.

– У меня тут Луна. Интересно, у мамы и бабушки такая же Луна, как моя?

Сол переглянулся с отцом, который сидел в кресле напротив и разливал чай, и ответил Адель:

– Абсолютно.

– Ну вот! Резинка тоже намочла, – возмутилась Адель, снимая её, чтобы положить на батарею. Распущенные светлые волосы так засветились, что казалось, они сейчас заискрятся. Дедушка задумчиво, одновременно грустно и благоговейно смотрел на внучку, которая бубнила что-то про капюшон, про то, что его никогда нельзя отстёгивать, и вообще, хватит уже падать в сугробы, большая же. Адель растрепала волосы сильнее, они торчали в разные стороны и от этого выглядели ещё красивее.

– ... не говорили? – донёсся как будто издалека голос сына.

– А? Что?

– Наши милые дамы не говорили, когда вернутся? Что с тобой?

– Я? Что? Да чай этот... Совсем не такой, как заваривала моя мама, – отвечал он, продолжая смотреть на девочку, – не умею я так, она даже травы в чайник укладывала по-особенному. Я всё думал, что она там что-то колдует... Обещали вернуться завтра к вечеру, – протараторил он, поворачиваясь к сыну.

– А что за чай? – поинтересовалась Адель.

– Самый вкусный. Как ты, сынок? Ты говорил, что не можешь решить какое-то дело. Всё получилось?

– Получилось... Получилось, как в одном отрывке нашей любимой книги. После вопросительного взгляда отца Сол проговорил его наизусть:

« – Я читал в детстве книжку... Маленький мальчик прилетел с другой планеты...

– Вспомни: друг учил его, что истину знает одно лишь сердце.

– Забавно... Мальчик тоже был в пустыне, когда это понял! Интересно, в какой именно?

– У каждого своя пустыня.

Ветром, который чувствуется где-то внутри, бесконечными гребнями колышущихся барханов, мощью, пробуждающей неизвестные органы чувств, она напомнила мне море, которого на ней нет.

– Если закрыть глаза и лечь на песок, кажется, будто качаешься на волнах.

– Закрой... Он говорил, что истину глазами не увидишь...

– А мне всё равно пришлось бы их закрыть, потому что они вспотели. И вовсе не от того, что у тебя тут жарко.

– Знаю. Я же очень древняя. И многое знаю.

– Ну хоть какая-то влага. Это же для тебя такая редкость.

– Да. Это для меня настоящий дождь, а все говорили, что он тут невозможен.

Тогда я не мог облечь в слова то, что чувствую – из меня одновременно вырвались вся боль, вся радость, все страдания и всё счастье всех миров. Они разом накатили на меня, потому что я оказался в по-настоящему живом месте. Удивительно, что пустыня означает пустоту и предполагает отсутствие какой-либо жизни. В ней столько ответов! Бесконечность, если не боишься их получить. Бесконечность, если, покинув её, не боишься вспомнить, что говорила её тишина. И тот, кто хочет что-то понять, заглянет в свою пустыню и найдёт ответы. А кому они не нужны, будет вечно искать выход, сетуя на её бессмысленность, безжизненность и невозможность преодоления этого бескрайнего пути.

– Может, поэтому по ней ходят так долго? На Земле такое случалось. Может, вообще не хотят из неё выбираться?

– ...

Тишина. Ответы я нашёл в своей пустыне, как и тот маленький мальчик в своей».

– Рад, что ты разобрался.

– Да, кстати! Я хотел почитать эту книгу Адель, ты не против?

– Не против? – он достал из-под стопки исписанных бумаг, лежащих на камине, книгу и протянул сыну. Обложка вся вытерлась, даже названия не было видно, уже заклеенный переплёт выглядел потрёпанным. – Твоя бабушка была бы рада, если бы Адель узнала эту историю. Я тоже с удовольствием послушаю.

– Пап, ты же сказал, что книжка в том шкафу, – возмутилась Адель, усаживаясь на пушистый коврик рядом с камином.

– Я кое-что в ней искал, – пояснил дед.

Адель посмотрела на него прищурившись:

– Давайте скорее читать! Пап! Мы слушаем.

«Наверное, все дети гордятся своими родителями, но я считал, что у меня для этого больше причин, чем у остальных. Моя мама, Ида, была физиком, а папа, Рэймонд – историком. Они ещё живы, и в научном ремесле не бывает бывших, но я всё же говорю «были». Я начал писать эти строки спустя двадцать три года после истории, которую собрался рассказать, и этого времени оказалось достаточно, чтобы усомниться, что она вообще происходила с нами. События эти, пусть и сформировали настоящее, стали крепким прошлым, как это обычно бывает со всем, что происходит в мире. Мой отец как раз изучал и описывал такие связи: как одно привело к другому. И прогнозировал, что будет дальше. Наверное, у него я и взял привычку чётко разграничивать прошлое, настоящее и будущее, хоть они и представляют собой единое целое, связанное прочной нитью событий. Эта привычка часто меня выручала. Вот и сейчас я выбираю придерживаться её и говорю «были». Мои родители были учёными. А я – мальчиком, который ими гордился.

Вам случалось испытывать такой сильный страх, который даже не даёт себя опознать? Он маскируется. Он заставляет тебя думать, что всё нормально. Он убеждает, что ничего особенного не произошло. Иначе ты или сойдёшь с ума от испуга, или тебе придётся разбираться со сложившейся ситуацией, что, в общем, всё равно может привести к первому варианту.

Если меня спросить, с чего началась та история, я скажу – со страха. Он сковал меня прямо на полу маминой лаборатории, как я понял позже. Сначала, сговорившись с ним, я был уверен, что мне показалось, что я не слышал то, что слышал или неверно сообразил, что всё это значит. Но холодная спина и странные толчки в грудную клетку как бы намекали лучше присмотреться к происходящему.

Тем утром мама должна была вернуться из экспедиции – за это я любил пятницы. Несколько раз в году они становились внеочередным выходным: мы с папой готовили традиционный по случаю общего воссоединения завтрак и встречали маму уже практически за столом, потому что простые драники с беконом и капустным салатом по её рецепту получались невозможно аппетитными. Мы засиживались до обеда, обсуждая всё, что произошло с нами за время разлуки. Но историй хватало до самого вечера, и тогда наша троица, взяв термос, отправлялась на прогулку.

И вот долгожданная пятница наступила. Я проснулся пораньше, чтобы дописать сочинение, которое нам задали на понедельник. У телефона были другие планы: он всё утро настаивал, чтобы я отложил это занятие.

– Анди! Анди!

– Мама вернулась? – я бежал по лестнице вниз, на кухню.

– Нет, Анди, послушай, мне нужно выйти. Ненадолго. Тебе есть, чем заняться, пока меня не будет?

– Я хотел дописать сочинение.

– Отлично, пиши. Пиши, а если допишешь раньше, чем я вернусь, ты дождись меня и... Или маму, пожалуйста. Никуда не выходи, ладно? Договорились?

Отец делал ещё много чего: надевал куртку, искал ключи от машины, терял их и снова находил, рылся в каких-то бумагах.

Мне даже некогда было удивиться, что картошка совсем не приблизилась к превращению в драники. Так и лежит нетронутая на столе.

– Договорились. Пока!

Хоть телефон перестал звонить. Сочинение на вольную тему для многих было испытанием, но я всегда знал, о чём хочу написать. В этот раз идея напросилась сама: через неделю мне исполнялось двенадцать, и я решил рассказать, как провёл прошедший год.

«Моё одиннадцатилетие началось с сюрприза родителей, и я пообещал им, что в следующий раз обязательно узнаю, что они готовят, заранее, ведь я люблю раскрывать тайны...»

Так вот оно что! После экспедиции мама обычно отдыхает дома в течение недели, а значит, они с папой не смогут обсуждать сюрприз, пока рядом тот, кто покушается на их секрет. Это мама звонила ему всё утро, они договорились устроить свою шпионскую встречу у неё на работе (перед тем, как ехать домой, она отвозит туда инструменты и документы). Чувствуя себя детективом, я помчался в мамину лабораторию, чтобы раскрыть заговор. До неё было недалеко – бегом всего полчаса. Единственное, что меня беспокоило – вероятность не застать там родителей и быть раскрытым самому. Если бы папа заметил, что я уходил из дома, сюрприз мог бы и отмениться. Из маминого кабинета доносились голоса. Успел.

– Предлагаю попытаться ещё. Я сам могу попробовать, – отец никогда не бросал задуманное, если что-то не получалось с первого раза. Когда я вырос, понял, что это качество помогло ему стать успешным учёным.

– Невозможно, Рэй, – этот мужской голос был мне незнаком.

– Он не выходит на связь уже несколько лет, он не поможет, – и этот тоже.

«Вот это да! – я разволновался ещё сильнее, ведь родители привлекли к подготовке и коллег мамы, и даже кого-то очень важного. – Большой, похоже, будет сюрприз».

– Он перестал с нами общаться, – продолжал второй мужчина, – он со всеми перестал общаться после того случая. Если бы мы и связались с ним, он ни за что бы не помог, узнав, что Ида снова решила туда вернуться. Он чётко дал понять, что навсегда отошёл от дел.

– Вы хотите сказать, что моя жена сейчас... Непонятно, что с ней! А вы отказываетесь предпринять меры, чтобы найти её и спасти? И единственный человек, который может починить вашу штуку, ни за что не согласится это сделать, потому что у него принципы? Какие могут быть принципы, когда речь идёт о жизни Иды?!

– Рэймонд, мы говорили ей, что это безумная идея. Мы просили её не делать глупостей, все просили. Половина лаборатории высмеивала эту экспедицию, говорила, что лучше заниматься настоящей наукой, а не домыслами, вторая – умоляла забыть всё, оставить в прошлом. Они ведь тогда даже доказательств никаких не привезли, не успели ничего забрать. Как сами улетели! Потом изобретатель закрылся у себя в хижине, а словам Иды никто так и не поверил. Но ты же её знаешь, она...

– Вот именно! Я знаю свою жену и не понимаю, зачем ты мне пересказываешь тот их провал. А если бы и ты её знал, то не уговаривал бы не возвращаться туда, а помог бы!

– Ты собираешься что-то делать, Рэй? – голос первого мужчины почему-то дрожал. Видимо, он тоже начал переживать.

– Нет, ничего уже не сделать, – пауза, которая понадобилась отцу, чтобы ответить, была такой длинной, что начала погружать меня, стоящего за дверью, в какое-то забытие. Мне показалось, что я отключаюсь. Но торопливо приближающиеся шаги включили меня обратно. Я спрятался за стеллаж с научными журналами и понял, что это был отец. Он ушёл, а из кабинета продолжали доноситься голоса незнакомых мужчин.

– Где они?! – спросил переживающий за маму после того, как что-то грохнуло. – Ты хочешь, чтобы я все ящики тут перевернул? Просто скажи, где её отчеты! Ты их видел?!

– Не дёргайся ты. Ида больше не вернётся. А изобретатель недоступен. Никто ничего не узнает, только болтай про это поменьше, особенно здесь.

Да уж. Большой получился сюрприз.

Не знаю, сколько я пробыл там, скованный страхом. Я пришёл в себя, сидя на полу: в ушах шумело, предметы вокруг двигались. В горле были странные ощущения, как будто туда затолкали яблоко. Или хурму. Наверное, всё же хурму, иначе почему во рту так сухо? Я попробовал сфокусироваться на картине на стене, чтобы встать. Не вышло. Мне пришлось ещё какое-то время оставаться на полу, и я начал разглядывать картину, ничего делать больше не получалось. На ней было четверо человек: светловолосая молодая женщина в костюме пилота (мама тоже делала такой хвост, когда собиралась на работу, а дома всегда ходила с распущенной причёской), женщина постарше с длинными густыми чёрными волосами до колен, мечом в руках и множеством бус на шее, мужчина в костюме, как у блондинки, и ещё один мужчина странной внешности. Полумрак кабинета меня смутил, но когда я смог встать, чтобы из него выбраться, рассмотрел этого человека получше: у него действительно не было ушей, а над переносицей располагалась странная полоска, похожая то ли на глубокую морщину, то ли на шрам. Может, это был вообще не человек, но какая разница, столько бус тоже никто не носит и с мечами никто не ходит – фантазии художника позволено всё.

Так мне рассказывали родители. Мы ведь не только термос с собой на прогулку брали. Иногда мы совершали творческие вылазки: вооружались холстами, красками, складными стульями и отправлялись рисовать пейзажи. Или друг друга. Картины получались такие, что без слёз смотреть на них мы не могли. Хорошо, что это были слёзы смеха. Однажды я хотел нарисовать единорога, а получилась свинья. Мама, учившая меня, что мир такой, каким мы его сами видим, и в нём есть только то, чего мы сами хотим, предложила нарисовать рог, торчащий из-за дерева. В итоге волшебная лошадь с мечом на голове на картине всё-таки присутствовала, просто она спряталась за елью. Папа тогда сказал, что автор – это тот, у кого есть полная свобода действий, он может играть и экспериментировать без условностей и запретов, которыми окутана жизнь, ведь он создаёт то, чего не было до него. Только автору известно, каким должно быть его творчество. И лишь сейчас я начал понимать, что это было не о картинах.

В один из таких художественных походов мы были у подножия горы, вдоль которого текла река. Ближе к вершине виднелась хижина. Мама рассказала, что там живет её бывший коллега, ушедший на пенсию. Двенадцать мне, конечно, исполнялось только через неделю, но сложить два плюс два я уже мог – всё-таки сын учёных.

И я просто пошёл. А что оставалось делать? Я не понимал, куда пропала мама, не понимал, о каких полётах говорилось, ведь она физик, не понимал, что у них там сломалось и как я буду объяснять это человеку в хижине (я даже не знал, как к нему обращаться!). Но я понимал: речь шла именно о нём и кроме него никто не поможет. Даже папа! Папа, который никогда не бросал дело на полпути, решил ничего не предпринимать. Ну и что, что остальные отказались, ну и что, что изобретатель не выходит на связь? Откуда отец знает, что он не заговорит с ним? Почему поверил, что он откажется помочь в вопросе жизни и смерти? С каждым шагом образ отца, сильного, уверенного, никогда не отступающего от цели и защищающего нас рассыпался на всё более мелкие кусочки. А образ матери ускользал. Мне казалось, я больше не испытаю того спокойствия, которое чувствовал, когда она обнимала меня. Это было всё, чего мне хотелось тогда – чтобы она обняла меня, и мир снова стал добрым, без опасности и несправедливости, которые душили крепче и крепче.

Я побежал. Бросился в дождь. Когда я выходил из лаборатории он накрапывал, но теперь разошёлся так, что хлестал по щекам, будто мокрыми плётками, залил глаза так, что я почти ничего не видел, просто бежал. Зато хурма из горла исчезла.

В конце концов я собрался с силами и признал невозможность дойти до изобретателя пешком. Нужно было хотя бы доехать до реки, на берегу которой мы с родителями писали пейзажи. Я смутно соображал и не сразу вспомнил, что не видел на ней моста. Окончательно отрезвил меня водитель попутки, которую я поймал. Он задал вопрос: «Ты идёшь на гору? А как ты переберёшься на другой берег?»

Действительно, как? Судя по карте, завалившейся у него в бардачке, сделать это было нелегко – река огибала почти всё подножие без намёка на какую-то переправу. И даже там, где она поворачивала, устремляясь вдаль, через неё было не перебраться. Вариант переплыть казался неразумным, течение унесло бы меня раньше, чем я бы успел позвать на помощь. Да и кого звать? Карта сообщала, что вокруг нет ни одного поселения. Значит, и людей там нет. Разве кто забредает порисовать – при мысли об этом в горле снова что-то защекало.

– Может, дело в том, что карта старая? – спросил я у водителя, чтобы как-то отвлечься. – Выглядит не очень.

– Да кому там мосты нужны! Вокруг полно гор – гуляй не хочу! Тебе одному приспичило именно на эту забраться, за всю жизнь таких ненормальных не встречал. Чего ты там не видел?

А я даже не знал, что ответить. Мне, вечно жившему в режиме «я познаю мир», казалось естественным гулять там, где никогда не гулял. Там, где никто никогда не был – тоже. Даже сквозь горечь страха и обиды на происходящее, которые меня так и не покинули, пробивался интерес маленького исследователя и куча вопросов: почему никто не захотел перебраться на тот берег, почему в таком красивом месте никто не живёт, как на вершине горы построили хижину, если доставить туда людей и материалы не представляется возможным? К водителю тоже был вопрос: почему бы, имея старую карту, не наносить на неё новые объекты, появляющиеся на трассе, по которой ты, по твоим же словам, ездишь каждый день на работу и обратно двадцать лет подряд? А потому что ему ни до трассы, ни до всего мира вокруг дела не было. Его режим жизни, видимо, чем-то походил на существование робота. Я это понял, когда попросил остановить меня у автозаправки, и он удивился, что она существует:

– Странно, её ведь нет на карте! Ты уж прости, я ждать не могу. Дойдёшь сам? Тут недалеко.

– Дойду, – я выходил из машины, – вокруг вообще много удивительного. Я вам что-то должен?

– Иди-иди, удачи!

– Спасибо вам! До свидания! – я повеселел. Если он не знал о заправке, то и о мосте мог не знать. Надежда, несмотря на свои маленькие размеры, оказалась такой сильной, что ворвалась в киоск раньше меня. Но кассира не было.

Я звал, стучал по прилавку – безрезультатно. Из подсобного помещения доносились какие-то шорохи, нетерпение росло. Меня можно было понять: судя по тому, что мы не встретили по дороге ни одной машины, там копошился единственный шанс узнать, есть ли поблизости мост. Я начал ходить по киоску, рассматривать что-то на стеллажах, брать в руки шуршащие яркие упаковки, ронять их. На какой-то полке разложил всё по цветам, но и это меня не успокоило – я снова вернулся к кассе и снова позвал кого-то, не теряя уверенности, что звуки издают именно люди.

Отозвался женский голос, пообещав выйти. Оказалось, что нетерпение, которое я испытывал до этого, было вовсе не таким сильным – теперь я боялся отойти от кассы даже на метр, как будто женщина увидит это через стену и решит, что её помощь мне больше не нужна. Похоже, она что-то уронила.

– Подождите минутку, пожалуйста! Посмотрите пока открытки! Видите там, слева?

Пейзажи, изображённые на них, были мне знакомы: вот эта гора, на которую я шёл, вот река, через которую, как я надеялся, мне удастся перебраться. Женщина вышла из подсобки.

Ей было лет сорок пять, но комбинезон, взъерошенные волосы, заспанные глаза и удивлённое лицо делали её похожей на ребёнка.

– Прошу прощения, – сказала она, подавляя зевоту, – сюда мало кто заезжает. Тем более... Без родителей. Ну что? Какую тебе? Вот эту?

Вы замечали закономерность? Когда нас что-то волнует, когда мы охвачены переживаниями, всё вокруг начинает об этом напоминать. Казалось бы, какое отношение киоск на автозаправке и женщина в комбинезоне имели к тому, что я испытывал в тот день? Но надо же ей было сказать именно «без родителей»! Я и сам прекрасно помню, что я без родителей! С мамой непонятно что, а папе, похоже, на нас наплевать!

– Спасибо, не надо, – тут я осознал, что у меня нет с собой денег. И ладно открытки. Ни еда, ни вода мне не светили. – Скажите, а что за дым на той стороне? – я показывал на одну из открыток. – Тут есть деревня?

– Ага, поговаривают. Но я лично никого из той деревни не видела, если она и существует. Никто не заходил.

– А где этот лес? – на изображении река разделяла его и как раз то место, откуда виднелся дым.

– Это роща сосновая. Она через два поворота отсюда начинается, но туда никто не ходит с тех пор, как там несколько человек пропало. Может, нужны всё-таки? Маме с папой подаришь. Фотограф один у нас путешествовал, наделал вот картинок. Жаль, говорит, рисовать не умею, а то какие бы холсты вышли. У нас тут и правда красиво вокруг. Ну мы и взяли на продажу. Хоть туристы и редко бывают, а чего бы на память не купить. Берёшь?

«Да помню я! И про маму с папой помню, и про то, как мы тут рисовали помню! Пожалуйста, хватит!» – кричал я про себя. Но вслух сказал только:

– Спасибо, я пойду.

Конечно же, соврал, сам себе соврал и снова побежал. Дым на фотографии означал, что на том берегу кто-то живёт. По слухам, это целая деревня, а если там целая деревня, значит, мост рядом точно есть, как без него? Всё-таки хорошо, что я сын учёных: тогда это помогло проанализировать ситуацию и сориентироваться в своих поисках, сейчас помогает понять, что все напоминания о родителях были лишь моим собственным зеркалом – отражением мальчика, который почти поверил, что остался один. Но почти не считается. Он знал: в мире есть только то, чего мы хотим, а хотеть можно чего угодно. Он мечтал быть с родителями – и отзывчивый мир напоминал ему, что это возможно, даже устами незнакомой женщины с неизвестной автомобильной заправки.

В роще было прохладнее, чем на пыльной дороге. Кожа моментально стала влажной, густой хвойный воздух плавно проникал в меня, приглашая спокойно посидеть, отдохнуть, посмотреть снизу на деревья – высокие, как электрические столбы. Нет, выше! Как десятиэтажные дома! При первом взгляде вверх начинала кружиться голова. Я никогда не видел таких гигантов: ствол обхватить не получалось, а иголки не помещались на ладони. Они были мягкие и почти не кололись.

Я иногда возвращаюсь туда и отдыхаю у реки, шум которой слышно задолго до того, как её становится видно. Иду по роще и предвкушаю, как сяду на берегу, буду смотреть на бурлящий поток, наслаждаться маленькими брызгами на лице, а за спиной будут стоять великаны и охранять меня. Не от людей, тут их не бывает. От всех невзгод, которые здесь не просто забываются, само это слово теряет значение. Я могу отдыхать так по несколько часов, не замечая времени, сливаясь с ним, с рощей, рекой, горой, со всем миром. Теперь это место меня успокаивает. И тогда попыталось, но мне было некогда расслабляться, особенно, когда я вышел из рощи и понял, что мне предстоит.

Подвесные мосты редко внушают доверие. Глядя на этот, я думал, что точно сегодня искупаюсь. Он походил на качели. Дырявые качели из соломы – так легко ветер мотал его

из стороны в сторону, и как экстремальный аттракцион это сооружение точно было бы функциональнее. Но на карусели голова у меня никогда так не кружилась! Я шёл по мосту (кажется, его и правда сплели из соломы), а он качался и подпрыгивал. И без того движущаяся картинка внизу (горные реки не просто беспокойные, а прямо-таки резвые) становилась ещё динамичнее. Мои попытки осторожно наступить в то место, которое казалось не сильно прогнившим, проваливались: то намеченная точка ускользала из-под ноги, словно дразня и проверяя мою силу намерения, то брызги резко залетали в глаза, и я промахивался, то я заваливался на бок. Несколько раз меня мотнуло так, что я чуть не кувыркнулся через перекладину. Всегда хотел научиться, кстати, но время для осуществления мечты было явно неподходящее. А потом внезапно передо мной возник лес.

Я вошёл в такую же рощу, из какой попал на тяжелейшее препятствие в моей жизни (о, как я был наивен, не зная, что ждёт меня впереди). Только деревьев было больше, они уже сильно скрывали солнечный свет – время близилось к закату. Вокруг было достаточно сумрачно, глаза щипало от уколов воды, мне пришлось идти практически на ощупь. Метрах в двухстах впереди, как мне показалось, лес стучался, но, подойдя ближе, я понял, что это каменная стена. Пошёл налево – конца не было видно. Пошёл на право – то же самое, с одной лишь разницей – через несколько минут прогулки вдоль бесконечной стены я увидел в ней дверь.

Мне никто не открыл. Я стучал. Кричал. Когда рук уже не чувствовал и содрал костяшки пальцев, колотил ногами. Бесполезно. Идти назад? В темноте перебираться через дырявый мост?

Заночевать в лесу мне показалось более привлекательной идеей, к тому же я рассчитывал периодически повторять попытки попасть за стену. Но усталость решила за меня. Когда я собрал из иголок кучу, ставшую мне в ту ночь кроватью, и сел, облокотившись спиной на холодные камни не взятой баррикады, я понял, что сил нет. Хватило ещё на чуть-чуть – перетащить моё спальное место к двери в надежде, что деревянная спинка самодельной кровати позволит замёрзнуть не так скоро. Минут через десять я уже околел.

Никогда не понимал закона «расслабься, чтобы согреться». В ту ночь я этому научился. Когда все мышцы сводит от напряжения, особенно на бёдрах и в спине, а пресс неприятно дёргается, контролировать себя не очень-то получается. Мне удавалось ненадолго, дыхание становилось ровным, но потом я снова начинал дрожать и скрючиваться.

А всё должно было быть по-другому: мы с родителями уже вернулись бы с традиционной прогулки, поужинали и пошли бы пить чай у камина. От горячей кружки было бы тепло рукам, от огня – щекам. Мы бы много-много разговаривали. Чай бы остыл, и я попросил бы маму налить новый. Она всегда делала это с радостью, мы оба любили пить кипяток. «Потому что даже слегка охлаждённый – это не чай, а непонятно что», – говорила она папе, когда он над нами подшучивал, называя людьми со сверхспособностями. Фантазии о том, чего со мной сегодня не случилось, и неизвестно, случится ли когда-нибудь, сопровождалась видеорядом в голове. Я согрелся. И впервые за день почувствовал, что голодный. Живот что-то пробурчал, согласившись.

Может, мне это снилось, а может, я впал в какой-то транс от усталости, но всё, что мне привиделось тогда, было чересчур реальным. Сквозь дрему я слышал голос мамы. Она желала добрых снов, поправляя одеяло – особенно мне нравилось укутывать ноги, подоткнув его под них. Теперь я ещё и видел её!

– Хочу драники, мам!

– Утром будут тебе драники, – она почему-то улыбалась. И гладила мою всегда торчащую чёлку. Прядь на ней была светлее, чем остальные волосы – русые, как у папы.

– А бекон будет?

– Ну как без бекона-то?

- А капуста?
- Угадай!
- Не будет?
- Ещё одна попытка, – улыбка уступила смеху.
- Ты не знаешь?
- Полагаю, если я собираюсь готовить завтрак сама, то точно знаю, что сделаю.
- Значит, капуста будет!

– Угадал. А теперь спи, – она поцеловала меня в висок, а я уже зажмурился, чтобы скорее наступило утро. Перед тем, как она выключила свет, выходя из комнаты, я приоткрыл глаза: вместо пижамы на ней был комбинезон – такой же, как на людях с картины, которую я видел у мамы в лаборатории.

Утром сквозь сон я почувствовал не сладковатый запах драников, обжаренных на сливочном масле с розмарином, а прелую вонь. Кто-то хрипел мне на ухо и тряс за плечо. Я открыл глаза.

- Кто ты? – человек в лохмотьях требовал ответа, ощупывая мои ноги. – Вставай! Кто ты? Он был слеп.

– Я... Мне... Я хотел...

– Зачем ты спишь у нас под дверью? Что тебе нужно?

– Я... Здравствуйте, я Анди, мне на гору... думал, вы пустите... Пропустите меня. Мне надо...

- Вставай, уходи.
- Пустите меня, мне надо на гору.
- Уходи, – он больно толкал меня палкой под рёбра, – уходи-уходи, давай!
- Да почему вы меня прогоняете? Как мне пройти? У вас стена бесконечная!
- Вот для таких и бесконечная. Ты ещё здесь?! – я стоял, и теперь он подталкивал меня

под колено. Палка, служившая ему опорой, была длинной кривой веткой сосны. С ней в руках, в старом балахоне из грубой серой ткани, который раньше, возможно, был мешком, в капюшоне, прикрывающем липкие седые волосы до плеч, он был похож на лесного волшебника. Когда разговаривал – на злого волшебника, но я его не боялся. Люди часто предстают перед нами в масках, и что мы за ними видим, зависит в том числе и от нас. Взять маму. Оказывается, она занималась чем-то опасным, ввязывалась в истории, в которые другие не решались, и готова была делать то, что ей казалось важным, даже если над ней смеялись и не поддерживали. С ней шутки плохи, как я понял из разговора отца с её коллегами. Но для меня она всегда была ласковым человеком, чьё тепло согревает в самую промозглую и ветреную ночь, а спокойствие оберегает от ужасов этой холодной темноты. Когда доверяешь кому-то, маски не действуют, и то, каким его знает остальной мир, не имеет никакого значения. Бояться вонючего слепого злодея в лохмотьях я просто не мог, потому что довериться ему было единственным способом попасть за стену. И пусть он выглядел более неприступным, чем она, я верил: он оказался здесь, чтобы помочь.

– Ты ещё тут?! Убирайся!

– Подождите... Как вас зовут?

– Какой мне толк с тобой знакомиться, если ты сейчас уберёшься отсюда? Иди туда, откуда пришёл!

Страх, скопившийся за предыдущий день, злость на то, что ничего не получается, и я потерял столько времени зря, сгруппировались и вытолкнули наружу Анди, которого я не знал. Он кричал обо всём: о том, что пропала мама, и, похоже, коллеги её подставили, а папа отказался спасать; об изобретателе, которого нужно найти; о дыме на открытке; о дырявом мосте; ночлежке в лесу и холоде; даже о драниках, за отсутствие которых живот проклинает поеданием самого себя.

Слепой стучал палкой по моей ноге. Зачем, я понял, когда он ударил сильнее:

– Тише ты! Тут не орут. Как мать зовут?

– И... – мне было тяжело дышать. – Ида.

– Стой здесь.

Я дёрнулся было – до меня не сразу дошло, что он больше не прогоняет меня, а просит подождать. Резкий жест посохом в мою сторону всё объяснил. Не знаю, сколько я там стоял, потом ходил туда-сюда, садился на кучу сосновых иголок, бывшей мне кроватью, вставал, снова ходил туда-сюда, считал камни на стене, постоянно сбиваясь.

Недавно мой сын попросил объяснить относительность времени – я вспомнил, как оно обманывало меня у той двери. Мой новый знакомый скрылся за ней. Я ни секунды не сомневался, что он выйдет обратно, поэтому и тревожился – это могло произойти в любой момент. Старик появился с мешком в руках, вытащил что-то оттуда и швырнул мне в ноги.

– Что это?

– Сетка рыбацкая. Ты есть хотел.

– Я не знаю, как ей пользоваться. У меня нет времени, мне надо...

– И сил нет. Ты как в гору лезть собрался?

– Так вы меня пропустите?

– Если тебе угодно есть сырую форель, я возражать не буду. Там, – он показал посохом в сторону стены, – ты поешь нормально. Потом пойдёшь, куда тебе надо. Хотя я бы не советовал.

– Почему?

– Я так понял, – он тянулся палкой к сети, – помощь тебе не нужна и есть ты передумал.

– Нет, стойте! Я просто никогда... Я не умею.

– И?

– Я никогда не был на рыбалке. Мне двенадцать. Одиннадцать.

– Я знаю. И?

– Знаете? Откуда?

– Или ты мальчишка, или ростом не вышел. На вот, – он протянул мешок.

– Это зачем? – в сети я легко бы поместился сам, даже не сворачиваясь клубочком, а в мешок влезло бы штук десять таких.

– Думал один будешь пузо набивать? С парой рыбин не возвращайся.

«А сколько я должен наловить, чтобы меня пустили? Может, их там тысячи – тех, кого надо накормить. Может, нужно набить мешок доверху. Может, пошлют ещё...» С этими мыслями я плёлся через рошу обратно к реке, вновь встречаться с ней не хотелось. Ноги еле-еле волочились: то ли я действительно так ослаб от голода, то ли оттягивал выполнение задания, потому что не представлял, как с ним справлюсь.

Но я смог. Форели в реке было много. Наверное, если бы я всё делал правильно, заполнил бы мешок быстро, но даже несколько часов, которые мне понадобились, я до сих пор считаю невероятным успехом. Размеры снасти намекали, что ей можно вытаскивать не по одной рыбе за раз, а у меня получалось по одной. Но получалось же! В безумном потоке эти серебрястые создания каждую секунду борются за свою жизнь, что сделало их сильными и такими же стремительными, как течение. Они не давали послабления и заставили меня побегать вдоль берега, как ни на одном уроке физкультуры не доводилось. Я промок, ободрал руки о камни, штаны тоже от них пострадали. Тем большая гордость брала за мешок, с которым я теперь шёл к стене. И пусть ноги мои снова волочились, это было из-за тяжести добычи, что прилично подняло мне настроение впервые со вчерашнего утра. С женщиной, ждавшей у двери, я поздоровался с улыбкой, только взаимности не получил – она тоже была слепой.

После проверки улова мы зашли за дверь, и она повела меня вглубь через ряды сараев. Некоторые были открыты. Я заметил много мешков, типа того, что выдали мне: в них хра-

нили картофель, лук, зерно. Самый большой сарай был заполнен тямками, лопатами, граблями, имелось и несколько небольших плугов. Мы молча добрались до кухни. Женщина шла впереди и явно не собиралась со мной разговаривать, а я был увлечён изучением того, как устроено поселение, спрятанное от цивилизации. Пока я делал вывод, что довольно необычно – возможно, мне так казалось, потому что ничего подобного я раньше не видел. У нас дома тоже были инструменты и запасы овощей, но это одни грабли и одна тямка, один мешок картошки на несколько месяцев, а в зерне и вовсе не было нужды. Я уже тогда догадался, что там живёт много народу. Когда мы зашли на кухню, где трудилось с полсотни женщин, я понял, что население гораздо многочисленнее, чем я представлял. Но удивление охватило меня вовсе не поэтому: кухарки тоже были слепы.

– Тут что, все слепые? – любопытство не дало сдержаться.

– Как ты догадался? – женщина впервые что-то сказала мне.

«Похоже, – подумал я про себя, – у них проблемы не только со зрением, но и с гостеприимством. С другой стороны, как бы они ему научились, если закрылись от всего мира и никого к себе не пускают?»

Несколько работниц занялись форелью, а я стоял в оцепенении. Они так слаженно готовили, не верилось, что они слепы. Мне стало не по себе от того, что я, зрячий, остался без дела.

– Можно помочь? – громкий вышел вопрос, ведь я обращался сразу ко всем.

– Помоги тут, – девушка, лепившая из теста круглые буханки хлеба, позвала меня к себе.

– Вон, – она указала на несколько вёдер, заполненных сероватой массой, – делай, как я.

А вечером мы сели ужинать. Подошла наша очередь – так сказала эта девушка. В деревянной постройке размером со спортивный зал, за столами, составленными в ряд, сидели сплошь слепые люди. Такого вкусного бульона из форели я никогда больше не ел, хоть он и вышел совсем не наваристым.

Ночлег мой никого не интересовал, но и выгнать меня никто не попытался. Я остался спать в кухне – в ней было тепло, а как в других местах, я не знал. К тому же, там откуда-то взялся матрас и подобие одеяла – полотно, связанное из старых разноцветных лоскутков. Я видел такое когда-то давно у прабабушки в деревне: она нарезала вещи, которые уже никто не носит, на тонкие полоски и плела из них ковры. Судя по потрёпанности, моё одеяло такую функцию и выполняло.

Просыпаться от вони, закладывающей нос, стало уже привычным. А у меня были все шансы сквозь утреннюю дрему почувствовать запах стряпни, которой скоро накормят тысячи человек! Но старик разбудил меня раньше завтрака – посох ему снова пригодился.

– Что, пора? – спал я чуть крепче, чем в предыдущую ночь, поэтому понадобилось время, чтобы взбодриться.

– Тебе – пора. Пошли, – он потряс связкой ключей, звон раздался по всей кухне.

– На выход? Но вы же сказали...

– Я сказал, что тебя накормят. Тебя накормили. Помогли. Там не помогут, больше предупреждать не буду. Здесь тебя тоже больше не ждут.

– Кроме меня никто не будет её искать.

– А откуда ты взял, что сможешь найти?

– Ниоткуда. Хотя бы покажите, куда идти, чтобы я побыстрее попал к этому изобретателю.

– Он сделал всё, чтобы до него никто не добрался, и никому ещё не удавалось. Пытались пару раз и пропадали, а они были подготовлены, хотя бы представление имели, куда шли. Ты не знаешь ни это чудовище, ни дорогу. Не уйдёшь дальше первой ловушки.

– Ну дорогу-то вы мне покажете? Подождите... Ловушки? Чудовище? Почему чудовище?

– Потому что убивают только чудовища.

– С чего вы взяли, что он кого-то убил? Может, эти люди как-то по-другому пропали! А может, не пропадали, просто вы не знаете, что они смогли вернуться?

– Эти, может, и по-другому. А другие нет, я сам видел. Ты слишком смелый, если заявляешь, что я вру, и наивный, раз не веришь очевидному!

– Я не говорил, что вы врётё! Просто иногда люди кажутся плохими, а на самом деле они совершают много хорошего, – тут моя смелость меня покинула, но я продолжил, – вот как вы.

– Я что?!

– Мама рассказывала, как её учитель дал ей негативы и объяснил, что только на них можно увидеть внутреннее свойство света – его тёмную сторону. Если честно, я так до конца и не понял, что это значит. Но знаю, что тёмный кусочек плёнки – только промежуточный этап на пути к кадру. Потом из него получается замечательная фотография. А если бросить негатив как есть, сказать, что он плохой и некрасивый, то никогда не увидишь её. Понимаете? Мне кажется, мамин учитель имел в виду, что человеку всегда нужно давать шанс показать, какая фотография получится из его негатива.

– Он и есть её учитель, – сказав это, старик развернулся и пошёл прочь.

– Подождите! Куда вы?

– Надо выходить, если хочешь управиться за сегодня.

– Вы покажете мне дорогу? – я уже торопился вслед за ним. – Подождите!

– Ещё раз отдашь мне приказ, пойдёшь сам!

– Простите, хорошо... Я думал, может, хлеба взять?

– Мне всё равно, что ты там думал, не смей меня останавливать.

– Так я возьму?

– А мне-то что? Давай поживей.

Для слепого он шёл довольно быстро, но после того, как я видел налаженное кухонное производство, меня это не удивляло. Мы долго молчали. Или мне так показалось, потому что я хотел много чего спросить и никак не решался.

– Так вы и маму мою знаете?

– Знаю.

– А откуда?

– Много вопросов, не наглей.

– Может, я угадаю?

– Поиграть решил? Не наглей, говорю.

– Ну ладно, – я даже остановился в знак серьёзности своих намерений, до сих пор себе удивляюсь. Будто в меня тогда вселился я тридцатипятилетний, пишущий эту книгу, – слушайте, я не хочу играть и не хочу упрасивать. Кроме вас мне никто не поможет, мне всё равно, кто там кого убивает. Но если это и правда так, расскажите, что известно. Вы уже пошли меня провожать, а значит, взяли ответственность. Вы что, на убийство меня ведёте? Вы бы так не поступили. Я знаю! Не надо притворяться, я вас не боюсь! Иногда пугаюсь, но тут же вспоминаю, что вы меня впустили, накормили, не дали замёрзнуть, а теперь показываете дорогу. Почему вы говорите, что там опасно, но ничего не объясняете? Пожалуйста, расскажите мне всё. Хоть что-нибудь!

Не может быть, чтобы он улыбнулся. Наверное, мне почудилось, и это была ухмылка.

– Что ты хочешь узнать? – старик начал двигаться дальше, но теперь медленнее, чем обычно. – Конкретные вопросы – конкретные ответы.

– Кто такой этот Изобретатель? Чему он учил маму? Зачем живёт так далеко от людей? Почему не хочет ни с кем общаться?

– А ты любопытный, да?

И он рассказал, что мама – не простой физик. Задолго до моего рождения, на конференции, где учёные выступали с докладами по чёрным дырам, её заинтересовал один инже-

нер. Он утверждал, что знает, как изобрести устройство, которое позволит совершать космические путешествия куда угодно без потери времени – не нужно будет несколько лет добираться от одной планеты к другой, не нужно будет никаких кораблей. Его открытие сулило большой прорыв в изучении Вселенной, ведь оно означало, что люди больше не будут в этом ограничены. Просто отправлялись бы туда, куда задумали, собирали данные и возвращались на Землю для их анализа.

Тогда человечество переживало кризисные времена: не за горами было перенаселение, экологическая катастрофа, нападение электронных форм жизни, которые мы сами же и надели интеллект. Кто-то в это верил, кто-то нет. Но эти вопросы обсуждались на мировом уровне, как серьезные, способные нанести непоправимый вред нашему общему дому. Так или иначе, научное сообщество было занято попытками понять, что же делать, если происходящие беспорядки, надуманные они или нет, достигнут апогея. Этим и аргументировал инженер создание своего устройства: пора искать новый дом, ведь наш, несмотря на великолепие, с каждым днём становится опаснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.